

Юнь Шэн, ни о чем больше не думая, поспешно взвалил Юнь Пина на спину и помчался в лечебницу. Лишь когда небо на востоке начало светлеть, окрашиваясь в нежно-розовый цвет, показался доктор Кан. Вид у него был тяжелый.

— Доктор Кан, как мой брат? — Юнь Шэн, осунувшийся и измученный, тут же вскочил со стула.

— В этот раз вы успели вовремя, считай, вытащили его с того света. Но не спеши радоваться. Сам понимаешь, человеку, в чьем теле больше десятка видов ядов, выжить крайне непросто. Он еще так молод, неужели у тебя поднимется рука позволить ему прожить всю жизнь в таких мучениях?

Юнь Шэн не раз задавался этим вопросом, но что он мог поделать? Даже Лан Юйин, прозванный Божественным лекарем, мог лишь замедлить разрушительное действие ядов на организм брата, но не излечить его полностью. На что еще оставалось надеяться?

Однако, если бы не Юнь Пин, не было бы и его, Юнь Шэна. Как он мог обрести покой, зная, что десятилетний ребенок принял в себя столько ядов ради него?

— Но что мне делать? Он мой брат, мой единственный близкий человек. Я не могу просто смотреть, как он умирает. Сейчас я могу лишь зарабатывать деньги и продлевать его жизнь день за днем. Вы сами сказали, он еще так молод. Если это повторится, я лучше сам умру, чем позволю ему снова так страдать.

Глядя на этих двоих братьев, доктор Кан не знал, что и ответить. Он знал их уже пять лет: младший хоть и не работал, но обладал поразительной волей к жизни, держался год за годом. Старший тоже был молодец — кроме заработка, он как мог заботился о брате. Учитывая нынешнее состояние, Юнь Пин мог продержаться еще несколько лет, но это стоило огромных денег и требовало нечеловеческого терпения. В конце концов, они оба были молоды, у каждого вся жизнь впереди, и тратить ее вот так — это был бесконечный, изматывающий путь в никуда.

— Эх, вытягивайте, если можете, — вздохнул доктор Кан и направился к себе. За десятилетия практики он не мог не восхищаться тем, как Юнь Пин цепляется за жизнь, и не мог не сочувствовать крепкой привязанности этих братьев. Что еще он мог сказать?

— Хорошо, — ответил Юнь Шэн. Успокоив свои мысли, он вошел внутрь. По сравнению с пугающим состоянием прошлой ночи, Юнь Пин выглядел гораздо лучше.

— Брат, мне так плохо, — не дожидаясь, пока Юнь Шэн заговорит, Юнь Пин начал капризничать, хотя голос его звучал хрипло и слабо.

— Поделом тебе, нечего было меня пугать, — Юнь Шэн подошел и взъерошил волосы брата. Они и так были в беспорядке, а теперь стали походить на птичье гнездо.

— Брат, я хочу домой, — Юнь Пин обхватил руку Юнь Шэна и потерся о его ладонь, словно жадный котенок. Это был его любимый жест, привычный способ выпросить ласку.

Каждый раз Юнь Шэн от этого смягчался:

— Хорошо, брат отвезет тебя домой.

Юнь Шэн снова взял брата на спину и отправился в путь. Небо еще не успело полностью посветлеть, на улицах было безлюдно, и братья шли в тишине.

Юнь Пин, прижавшись к спине Юнь Шэна, вспомнил детство. Раньше это он носил брата на спине: в восемь лет он был достаточно силен, чтобы нести одиннадцатилетнего Юнь Шэна. Тогда Юнь Шэн был мягким и слабым, даже ниже его ростом, и вечно ворчал. Юнь Пин всегда чувствовал, что брат отбирает у него родительскую любовь: если находилось что-то вкусное или интересное, Юнь Шэн никогда с ним не делился. Порой Юнь Пину казалось, что это он старший брат, а Юнь Шэн — просто озорной младший. Но прошли годы, его брат не только повзрослел и перестал капризничать, но и стал заботиться о нем, как настоящий старший. А Юнь Пину так хотелось, как прежде, баловать брата.

— А-Пин, ты ведь не бросишь меня, правда? — Юнь Шэн остановился, не доходя до дома, и посмотрел на показавшееся из-за горизонта неяркое утреннее солнце.

— М-м, я же должен оставаться для брата обузой, как я могу его бросить? К тому же, разве брат не хотел странствовать по свету? Я ведь тоже хочу поехать с тобой!

— Разве ты не мечтал о спокойной жизни с тем, кто тебе дорог? — Юнь Шэн улыбнулся и продолжил путь.

— Тот, кто мне дорог — это и есть брат! Но брат — человек, который любит странствовать и не терпит ограничений, — очень серьезно сказал Юнь Пин. Он знал, что Юнь Шэн не воспринимает его слова всерьез, но это было неважно — главное, они были вместе.

— Глупыш, ты ведь не можешь всю жизнь провести с братом, — Юнь Шэн ласково вздохнул. Брат часто болтал глупости. Хотя А-Пин не проявлял интереса к девушкам, в будущем обязательно найдется достойный человек, который возьмет на себя заботу о нем — ведь его брат так замечателен.

— Почему это невозможно? Если бы не твои эти... возлюбленные, мы бы так и прожили всю жизнь. Разве такая жизнь не прекрасна? Неужели брату она не нравится? — Юнь Пин, не обращая внимания на слабость, спрыгнул со спины брата и уставился прямо на него. Он не верил, что Юнь Шэну совсем не по душе их нынешняя жизнь.

Юнь Шэн промолчал. Действительно, их жизнь была по-своему хороша, полна вкуса и покоя,

без лишних горестей. Но он не мог позволить себе так жить вечно: у него были свои привязанности, и однажды они появятся у Юнь Пина.

— Но мы не можем жить так всегда. А-Пин, не капризничай. Наверное, проголодался? Брат сейчас сварит тебе лапши, хорошо? — Видя упрямое, бледное лицо Юнь Пина, Юнь Шэн не знал, что еще сказать, и поспешил сменить тему. Он уложил брата на кровать и принялся за готовку.

Юнь Пин сердито лег в постель. Такой брат его ужасно раздражал — в детстве Юнь Шэн был куда честнее и прямолинейнее. Вспоминая, каким милым тот был в детстве, Юнь Пин незаметно заснул. Когда Юнь Шэн принес лапшу и позвал брата, он застал такую картину: Юнь Пин спал, на губах играла легкая улыбка, большая часть тела свесилась с кровати, а ноги беспомощно болтались.

Укрыв брата одеялом, Юнь Шэн вышел из дома. Купив лекарства, он сел во дворе и принялся за отвар — боялся, что в комнате будет слишком дымно, и Юнь Пин снова начнет вредничать и откажется пить горькое снадобье.

Тем временем в императорском дворце начиналось утреннее собрание.

— Есть ли доклады? Если нет, собрание объявляется закрытым! — Цзин Хуаньвэй сидел на троне, окинув взглядом придворных. Все хранили молчание, лица были бесстрастны. Как и обычно, важных новостей не было, и Му Хуа объявил об окончании собрания.

— У старого слуги есть доклад! — вышел вперед старик с седой бородой, опустился на колени перед Цзин Хуаньвэем и заговорил:

— Хотя Император сейчас здоровствует, престол не может оставаться без наследника. Прошу, Ваше Величество, поскорее оставить потомство, чтобы наш род процветал, а Государство Цзиньчжун крепло!

Едва он умолк, как вперед вышел еще один человек и тоже пал ниц:

— Господин Ма совершенно прав! Прошу, Ваше Величество, позаботьтесь о будущем нашего Государства Цзиньчжун!

<http://bllate.org/book/27340/3318293>